

УДК 101.1:316

Демократия и политическая публичность в современном мире: к проблеме коммуникативных границ

Семенов Евгений Евгеньевич

Кандидат политических наук, доцент,
кафедра философии, социологии и теории социальной коммуникации,
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова,
603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, 31 А;
e-mail: k762@mail.ru

Аннотация

В статье дается обоснование тезиса об изменении коммуникативных границ политической публичности в современном мире под воздействием процессов медиатизации политической сферы. Глубокая трансформация пространственно-временной организации социальных связей и отношений, происходящая в результате стремительно развивающейся компьютерной и телекоммуникационной революции, обуславливает актуальность изучения новых социально-политических феноменов в сфере коммуникации. Оригинальность работы определяется авторской попыткой рассмотреть политическую публичность с позиций коммуникативного подхода, выявить факторы распыления публичной сферы и определить новые угрозы потенциалу развития современной демократии в эпоху «коммуникационного изобилия». Результаты исследования позволяют расставить новые акценты в оценках современных демократических процессов.

Для цитирования в научных исследованиях

Семенов Е.Е. Демократия и политическая публичность в современном мире: к проблеме коммуникативных границ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 5А. С. 123-132.

Ключевые слова

Политическая публичность, публичная сфера, коммуникационное изобилие, демократия, делиберативная демократия.

Введение

Изучение философских и социально-гуманитарных проблем в современном мире закономерно попадает под воздействие глобализационного фактора. В контексте влияния глобальных процессов на духовное содержание бытия по-новому переосмысливается система взаимосвязей власти и общества, деятельность демократических институтов, символические механизмы регуляции, организующие деятельность политической системы. Вместе с тем существует и тот комплекс факторов, который обусловлен социально-историческим опытом развития политических процессов, изменением форм социального посредничества, характеристик политического сознания общества, что также оказывает заметное влияние на развитие политических коммуникаций. В качестве одного из актуальных аспектов в комплексе этих факторов можно рассмотреть изменение коммуникативных границ политической публичности в сложном медиатизированном мире, что заставляет расставлять новые акценты в оценках современных демократических процессов.

Внимание к этой проблеме в философских исследованиях последних лет корреспондирует с попытками обосновать изменение контуров публичной сферы бурным развитием инновационных информационно-телекоммуникационных технологий и их стремительным внедрением в сферу социально-политических коммуникаций. При этом пафос работ часто определяется приоритетами технологического подхода, то есть теми новыми возможностями связи и информационной работы, которые порождены эрой мультимедийного разнообразия цифровой коммуникации. Компьютеризация большинства процессов в сфере политической и экономической деятельности, возрастающая доступность мобильных и персональных средств связи, экспоненциальный рост источников информации – все, что определило и продолжает определять технологическую сторону информационной революции, – дало человечеству новое метафорическое измерение – эпоха «коммуникационного изобилия», которая экзаменует человека на владение языком, нормами и ценностями новой эпохи. Компьютерные технологии могут заменить человека в ряде его функций, образ новой галактики приобретает измерение с позиций так называемого «постчеловека». Вместе с тем антропоморфичность технологий, программ и программных продуктов побуждает искать в мире технологических новаций мотивы, интересы, потребности не постчеловеческой, но человеческой экзистенции. В связи с этим представляет интерес поместить вопрос о коммуникативных границах сферы политической публичности со всеми технологическими детерминантами ее развития в контекст размышлений о философской проблеме свободы и контроля, осмыслить новые грани классической антиномии.

Проблема политической публичности

В традиции социально-философской рефлексии независимая политическая публичность рассматривается сферой свободного формирования мнения и волеизъявления, объединяю-

щей государство и гражданское общество. Может показаться, что вопрос о демократии в данном контексте получает вполне ожидаемую рефлексию, и коммуникационное изобилие однозначно ведет к большей степени демократизации публичной сферы, ее большей свободе, развитию форм гражданского участия. Вместе с тем философы все настоятельнее говорят о свертывании, распылении и даже конфискации публичной сферы. Какие же факторы привели на рубеже XX-XXI веков к подобной угрозе процессам демократии, снимая таким образом однозначность корреляции между свободой коммуникации и демократическими процессами?

Анализ истории вопроса показывает, что коммуникативное измерение демократии было предложено уже в начале XX века, в том числе намечена взаимосвязь между демократическими процессами в обществе и возможностями выражения гражданами предпочтений тех или иных политических ценностей. Постановка вопроса представляла собой определенный сдвиг в понимании фундаментальных индикаторов демократического развития общества. Более того, американский социолог Ч. Кули предложил метафору массовой коммуникации как восходящей над миром зари. Социологические иллюзии начала XX века, подававшего надежды, что развитие технических форм связи приведет к развитию демократической коммуникации, сменились критической теорией философов-франкфуртцев. Технологические новации эпохи, организация массовой коммуникации по принципу «один – многим» привели к созданию в период между двумя мировыми войнами пропагандистских тоталитарных моделей массмедиа. В середине XX века телевизионная эпоха предложила политической жизни техногенный визуальный образ как новый коммуникативный инструмент [Маклюэн, 2007], в связи с чем в публичной сфере произошло радикальное смещение от рациональных дискурсов в сторону визуальной образности. В американских структурно-функциональных исследованиях 1950-1960 годов была выявлена «одурманивающая дисфункция» массмедиа, порождавшая апатию и операциональную инерцию массовой аудитории, особенно по отношению к традиционным формам коллективного участия в общественной и политической жизни. Эти когнитивные эффекты дали повод усомниться в самой природе демократической системы в обществе, насыщенном коммуникациями. Приобретает ли сегодня в технологически осложненном социальном контексте проблема гражданского участия, прав и свобод человека новые грани и каким образом происходит адаптация гражданских коммуникаций к вызовам информационной революции?

Проблема «распыления» публичной сферы

Возможным ответом на вызовы эпохи коммуникационного изобилия могут стать результаты анализа различных форм политического контроля над свободной деятельностью граждан, ограничения сферы политической публичности государством, усиливающаяся законодательная регламентация деятельности современных телекоммуникационных сетей.

Все эти формы в той или иной мере оказывают влияние на доступ граждан к политической публичной сфере. Следует заметить, что на страже именно этого возможного ограничения политической свободы и гражданского участия давно стоят демократические усилия, предпринимаемые субъектами гражданского общества: формальные и неформальные дискуссии и переговоры, которые должны снижать угрозы «конфискации» арен публичной коммуникации. Вместе с тем выдающийся немецкий философ Ю. Хабермас, последовательно отстаивающий демократический потенциал делиберативной демократии в современных сложных обществах, видит, что эта модель демократии демонстрирует «увеличивающийся ров между нормативными и эмпирическими подходами в понимании политической коммуникации [Хабермас, 2012, 111]. Рассматривая политическую публичность как один из элементов, формирующих институциональные рамки современных демократий, Ю. Хабермас полагает, что здесь могут найти резонанс спонтанные усилия граждан, получающих возможность реализовать их частную автономию. В философской ткани этого размышления возникают две метафоры политической публичности: метафора резонатора и дискурсивной очистной установки, которая из беспорядочных процессов формирования общественного мнения отфильтровывает то, что способствует обобщению интересов, информативные работы, сообщения на релевантные темы и отражает эти «общественные мнения» на распыленную публику граждан, а также передает их в формальную повестку для компетентных органов» [там же, 116]. Эти метафоры, характеризующие функциональную сторону политической публичности, вписаны в делиберативную модель, где публичная сфера предусматривает подобающее ей функционирование посредством: отделения правящего государства от экономического общества; свободы печати, многообразия массмедиа и свободы информации; регламентов, гарантирующих доступ массовой публики и гражданского общества к политической публичной сфере. Почему же метафоры нормативной теории дают сбой в политической эмпирике?

Феномен «коммуникационного сгущения» вызван к жизни ускорением информационно-коммуникативных потоков, революционными технологиями и образованием «сетевых», «медийного» общества. Феноменологические свидетельства этого можно усмотреть не только в работах Хабермаса [Хабермас, 2012], но также в философских разработках проблем постиндустриального общества М. Кастельсом [Кастельс, 2004] – в анализе современных феноменов сгущения коммуникационных сетей, Д. Кином [Кин, 2015] – в рефлексии революционной эпохи коммуникационного изобилия. Дефициты, испытываемые различными социальными группами в их жизненном мире, артикулируются в публичной сфере посредством гражданского общества, что запускает механизм общественного мнения и определяет установки и предпочтения потенциальных избирателей. При этом границами инфраструктуры политической публичной сферы становятся сети массмедиа и информационных агентств и форумы публичности, которые формируются силами трех сторон: политики и политические партии приходят из ядра политической системы; союзы и лоббисты представ-

ляют интересы общественных функциональных систем; поборники всеобщих интересов, церкви, интеллектуалы, неправительственные организации имеют корни в гражданском обществе [Хабермас, 2012, 137]. Вывод Хабермаса: в крупных национальных обществах политическая публичная сфера, в которой господствуют массмедиа, вопреки абстрактной и асимметричной структуре массовой коммуникации может при благоприятных обстоятельствах генерировать отрефлектированные общественные мнения и тем самым внести вклад в делиберативное качество политического процесса в целом. Весь смысл коллизии, выраженной Хабермасом в образе увеличивающегося рва между притязаниями делиберации и феноменологическими исследованиями демократических процессов, по сути, сводится к вопросу, могут ли в современной сетевой политической культуре возникнуть кооперативные поиски совместного решения проблем и в каких формах они могут состояться, и в этом вопрошании, безусловно, звучит тема свободы человека политического в измерении новой эпохи коммуникационного изобилия.

«Коммуникативное разжижение» политики как новый вызов эпохи

Коллизии политической публичности в современном мире усугубляются и другим фактором: массмедиа в традиционном понимании уже не имеют приоритета в информационном обмене, как ранее: в публичной сфере вследствие бурного роста социальных сетей господствует скорее маргинальная публика. Она вовсе не склонна к схватыванию отрефлектированных пучков мнений, как это делают массмедиа, но и сама не способна формировать эти мнения, подавленная аморфностью социальных сетей. За счет неинституциональных форм коммуникативной активности контуры публичной сферы очерчены менее четко, коммуникативные потоки не могут формировать управляемые информационные потоки. Дифференцированная аудитория, а также самостоятельно функционирующие подсистемы публичной интернет-сферы, составлявшие ее главную отличительную особенность, постепенно опровергают основной тезис о демократичности, открытости интернет-среды. Для социальных сетей все более характерной становится закрытая форма коммуникаций: закрытые сообщества со своими правилами коммуникации, своей повесткой, собирающиеся вокруг групповых ценностных принципов. Коммуникативные потоки извне тщательно фильтруются «на входе» и «на выходе», что затрудняет процесс формирования общественного мнения и влияет на характер протекания публичных процессов, создавая новые преграды свободе коммуникации уже не со стороны власти, а со стороны сетевого сообщества. Выстраиваются некие внутренние барьеры: все участники коммуникации маркируются в градации «свой-чужой», и хабермасовская метафора политической публичности как дискурсивной очистной установки попросту не работает. Эти принципы отчасти противоречат самой сути делиберативной демократии с ее установкам на дискуссию, переговорный процесс и поиски консенсуса и, в то же время, как ни парадоксально, не расширяют, а сужают границы политической публичности.

Представление об обществе глобальных связей как о новой мегаструктуре, образующей причудливые геометрические фигуры, которые, находясь в непрерывном движении, меняют свою конфигурацию быстро, как в калейдоскопе [Горбачев и др., 2003, 67], красиво, но не выявляет скрытой угрозы информационной аморфности. Сторонники самоорганизующихся сетей считают, что устроенные горизонтально сети публичных, частных и добровольных ассоциаций бросают основной вызов правительству и государству и таким образом носят истинно демократический характер. В действительности групповые интересы здесь не конвертируются в интересы общественные. Современные технологии сделали границы политической публичности менее видимыми, и, с точки зрения возможности коммуникативного действия, границы публичности сузились. Представление о сетевом порядке интернет-среды как условия демократизации, видимо, слишком поспешно. Кроме того, в этой связи можно вспомнить и о феномене институционализированного индивидуализма, выявленного У. Бекком, который противоречит природе и принципам делиберативности [Бек, 2012, www].

Тем не менее в новом мире коммуникационного изобилия Хабермас остается приверженцем коммуникативной рациональности, поскольку именно коммуникативные предпосылки, в его видении, в процессе демократического формирования мнения и волеизъявления функционируют как важнейшие шлюзы для дискурсивной рационализации в процессе принятия решений правительствами. Акцентуация когнитивных функций в формировании общественного мнения, которые приводят к образованию пучка предпочтений и коллективному самоопределению нации, в противовес либеральному рациональному выбору и республиканскому политическому этосу обосновывает силу и легитимность демократического процесса.

Вместе с тем современными исследователями демократии высказывается скепсис в отношении рациональности как основы демократического выбора. Так, итальянский философ Д. Дзоло полагает, что публичная сфера превращается в область рефлексий, в безвременное метаизмерение, в котором реальная публика пассивно соучаствует, словно в бесконечной телепередаче, идущей в реальном времени, в приключениях «электронной» публики [Дзоло, 2010, 292]. В этой перспективе возникает своеобразный суррогат политического, гражданского опыта. Искажения в сфере политической публичности понимаются Дзоло не как порождение тоталитарной идеологии, а как действие реальной структуры среды электронных коммуникаций – ее «функционального кода», который сам по себе с полной очевидностью демонстрирует результаты ее нахождения в рамках широкого технологического, экономического и политического контекста [там же, 279].

Причину снижения демократического потенциала в современной жизни один из ведущих исследователей демократии в современном мире Д. Кин видит в растущей киберпреступности, что приводит к «декадентскому» тренду – быстрому формированию защищенных сетевых процессов и продуктов и образованию «закрытых сообществ», которые напоминают «частные феодальные поместья, создающие ощущения Средневековья за счет ослабления

свободы перемещения, «открытого выпаса» и всеобщего доступа к «общественному достоинству», каковым представляется коммуникация с другими» [Кин, 2015, 187]. Можно прислушаться и к более ранним философским интуициям Р. Сеннета, связавшего эволюцию политического с изменением границ между публичной и приватной сферами и заговорившего в целом об эрозии публичной сферы раньше появления феномена Интернета: ритуальность общественной жизни привела к тому, что публичная жизнь стала предметом формального обязательства, и, как и во времена Рима, участие в *res publica* чаще всего является чем-то происходящим по инерции, и форумы этой публичной жизни, как, например, город, пребывают в состоянии упадка [Сеннет, 2002, 10]. Можно ввести в контекст размышления и более радикальный взгляд на проблему, который высказал Ж. Деррида, постулируя невозможность равноправного существования в современном мире антитетических феноменов – публичной площади и внутреннего форума, определяя тенденцию к превосходству публичности как определенную тоталитаризацию демократии [Кин, 2015, 51-52].

Анализ философского дискурса о современной политической публичности показывает, что задача определения новых демократических границ феномена содержит выраженную проблемность, где социальные противоречия, генерируемые меняющимися коммуникативными границами публичной сферы, тесно переплетаются с вопросом о свободе – свободе рационального демократического выбора, возможности сохранения в пространстве публичности внутренней свободы, «внутреннего форума».

Заключение

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что в постиндустриальном мире инновационные формы коммуникативной активности являются одним из решающих условий развития политической публичности. Этот фактор заставляет по-новому взглянуть на тему свободы человека политического в измерении новой эпохи коммуникационного изобилия, на принципы и возможности свободного формирования мнения и волеизъявления представителей гражданского общества, что в том числе составляет основу для современной постановки проблем демократии. В то же время динамический процесс формирования иерархии факторов, определяющих становление и развитие демократии, зависит не только от конфигурации политического контекста, но и от меняющихся коммуникативных границ публичной сферы.

Парадоксальным образом в обществе коммуникационного изобилия в сфере политической публичности происходит снижение демократического потенциала. Современные технологии сделали границы политической публичности аморфными, менее отчетливыми, и, с точки зрения возможности коммуникативного действия, границы публичности сузились. Кроме того, аморфность новых коммуникативных структур затрудняет развитие общественного диалога и создает трудности для адаптации индивидов и социальных групп к новым реалиям.

Границы новых коммуникативных зон пока неясно очерчены, по их извилистому периметру возникает много маргинальных образований, где высказываемые мнения не способны образовывать потоки, участвующие в формировании рационального дискурса. Воздействие этих факторов определяет новое измерение проблемы политической свободы и гражданского участия.

Вместе с тем неправомерно утверждать, что в демократических процессах отменяются способы связи обоснованных позиций в пучки конкурирующих мнений; скорее происходит изменение структуры посредников в дискурсивных практиках. Складываются иные формы сотрудничества, отвечающие за выработку таких символических проявлений гражданской солидарности, как доверие, нормы, ценности, которые выступают в демократических процессах важным источником социальной интеграции. Представляется, что проблема новых коммуникативных границ представляет собой, как и многие проблемы развития политических коммуникативных процессов в современном глобальном мире, предметное поле для дальнейших философских дискуссий.

Библиография

1. Бек У. Собственная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобализация и политика. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/bek_3.shtml
2. Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003. 592 с.
3. Дзолло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 320 с.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
5. Кин Д. Демократия и декаданс медиа / пер. англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
6. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. 464 с.
7. Пархоменко Р.Н. Дискурс, демократия, политическая публичность как составляющие германской нормативной концепции либерализма (Ю. Хабермас) // Философская мысль. 2016. № 4. С. 39-49.
8. Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2002. 424 с.
9. Сиушкин А.Е., Милаева О.В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор совершенствования традиционных демократических институтов // В мире научных открытий. 2014. № 3.3 (51). С. 1446-1458.
10. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Весь мир, 2012. 160 с.

Democracy and political publicity in the modern world: to the problem of communicative confines

Evgenii E. Semenov

PhD in Politics, Associate Professor,
Department of philosophy, sociology and theory of social communication,
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov,
603155, 31A Minin st., Nizhnii Novgorod, Russian Federation;
e-mail: k762@mail.ru

Abstract

The article substantiates the thesis about changes of communicative confines of political publicity in the modern world under the influence of mediatization processes of political sphere. A deep transformation of the spatial-temporal organization of social relations and relations occurring as a result of rapidly developing computer and telecommunications revolution, justifies urgency of study of new socio-political phenomena in the field of communication. The originality of the article is determined by the author's attempt to consider political publicity from the position of communicational approach, to identify the factors of public sphere dispersion and to specify new threats to the contemporary democracy development potential. The author argues that in the post-industrial world innovative forms of communicative activity is one of the key conditions for the development of political publicity. This factor makes a fresh look at the topic of freedom of an political man in the measurement of a new era of communications abundance, at the principles and possibilities of free formation of opinion and expression of civil society representatives, and that is the basis for the modern formulation of the democracy problems. At the same time, the dynamic formation of hierarchy of factors, defining the establishment and development of democracy, depends not only on the configuration of the political context, but also on the changing communicative boundaries of the public sphere. The results of current research allow to bring new emphasis on the modern democracy processes assessments.

For citation

Semenov E.E. (2016) *Demokratiya i politicheskaya publichnost' v sovremennom mire: k probleme kommunikativnykh granits* [Democracy and political publicity in the modern world: to the problem of communicative confines]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 5 (5A), pp. 123-132.

Keywords

Political publicity, public sphere, communication abundance, democracy, deliberative democracy, globalization.

References

1. Bek U. *Sobstvennaya zhizn' v razvyazannom mire: individualizatsiya, globalizatsiya i politika* [Personal life in untied world: individualization, globalization and politics]. Available at: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/bek_3.shtml [Accessed 16/09/16].
2. Gorbachev M.S. et al. (2003) *Grani globalizatsii: Trudnye voprosy sovremennogo razvitiya* [Facets of globalization: Difficult questions of contemporary development]. Moscow: Al'pina Pabliisher Publ.
3. Dzolo D. (2010) *Demokratiya i slozhnost': realistscheskii podkhod* [Democracy and complexity: a realistic approach]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
4. Kastel's M., Kharitonova V (ed.). (2004) *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.
5. Kin D., Smirnova A. (ed.) (2015) *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and media decadence]. Moscow: Higher School of Economics. National Research University.
6. Maklyuen M. (2007) *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extention of Man]. Moscow: Giperboreya, Kuchkovo prole Publ.
7. Parkhomenko R.N. (2016) Diskurs, demokratiya, politicheskaya publichnost' kak sostavlyayushchie germanskoi normativnoi kontseptsii liberalizma (Yu. Khabermas) [Discourse, democracy, political publicity as components of the German regulatory concept of liberalism (J. Habermas)]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 4, pp. 39-49.
8. Sennet R. (2002) *Padenie publichnogo cheloveka* [The fall of public man]. Moscow: Logos Publ.
9. Siushkin A.E., Milaeva O.V. (2014) Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii kak faktor sovershenstvovaniya traditsionnykh demokraticeskikh institutov [Information and communication technology as a factor of development of traditional democratic institutions]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries], 3.3 (51), pp. 1446-1458.
10. Khabermas Yu. (2012) *Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskie sochineniya, XI* [Ah, Europe. Small political essays, XI]. Moscow: Ves' mir Publ.